

Первые месяцы я служил в Мурманске, потом перебросили нас дальше. Построили на плацу, объявили, что нас, как отличников боевой и политической подготовки — это звучало с иронией, направляют восстанавливать разрушенную землетрясением Алма-Ату. Мы-то обрадовались: на юг попадём! В Североморске погрузили нас в десантный самолёт, летим. Я сидел у самого люка, а он так дребезжал в полёте, что мне всё казалось: сейчас люк откроется, и мы вылетим все отсюда. Но ничего, обошлось.

Оказались мы на Новой Земле, вышли из самолёта — во круг снег. Вот ведь куда попали! Комендант встретил нас, сказав: я понимаю, конечно, что прислали лучших из лучших.

Часть находилась на берегу, забора никакого не было, то есть он был воображаемый: от камня до столба, от столба до берега. Сначала мы не выходили за эти границы, а потом поняли, что тут можно ходить куда хочешь, лишь бы к отбою все были на месте.

А родным нам запрещалось сообщать, где мы находимся, там был секретный полигон, проводили подземные атомные испытания, надземные были уже запрещены. Я даже работал в шахте для взрыва самой большой атомной бомбы. Наш взвод туда привезли, когда шахта была уже готова, мы устанавливали оборудование для снятия данных о взрыве, месяца три мы там работали. Установили мы оборудование в шахте, и что-то у нас не связывалось, поехали мы снова в шахту, чтобы связь установить. В шахту было хорошо ехать на дрезине, мы сразу снимали с тормозов и мчались вниз метров восемьсот. А бомбу уже привезли, я её сам видел, и в шахте уже охраняли внутренние войска. Их начальник охраны, а стоял там капитан, спрашивает нас грозно: кто такие и что тут делаете? Мы объяснили, что надо оборудование наладить, а он нас не пустил. Но нам-то всё равно, мы вернулись, а наш сержант спрашивает: уже сделали? Мы отвечаем, что нас не пустили. Как это так? — закричал он. Созвонился с начальством, договорились,

выписали нам пропуска, поехали мы снова вниз. Там капитан изучал наши пропуска, я ему говорю: что ты там читаешь, всё равно ведь не понимаешь. Он нам недовольно говорит: два часа вам. Но мы за два с половиной часа всё наладили, он, правда, ходил, нам напоминал, но не выгонит же он нас. Когда бомбу там взрывали, то нас вывезли обратно в гарнизон, на другой остров.

В общем, всё секретно. Письма наши перед отправкой прочитывались, и «секретные» сведения вымарывались. А мамка меня спрашивает, где я служу. Я ей написал, что сообщать это запрещено, но если она хочет знать, то пусть пойдёт к Дому офицеров и посмотрит на памятник. А перед Домом офицеров у нас в Кронштадте стоит памятник Пахтусову, на нём написано: «Исследователю Новой Земли». Так что мама моя знала, где я служу.

На Новой Земле, кроме нас, проживали также белые медведи, было их много, для них там создали заповедник, они охранялись. И как-то зимой стал нас посещать один мишка.

Ночью дежурный по кухне смотрит — дверь открылась и не закрывается, никого за ней нет, только снег видно. Он хотел уже ругаться, пошёл к двери и тут понял, что в проёме не снег видно — это белый медведь, он стоит, головы не видно, она выше двери. Медведь голову нагнул, заглянул внутрь — тут все поняли, с кем имеют дело. От страха все попрятались, кто где мог. Повар залез в котёл для варки и деревянную крышку над собой на котёл натянул. А дежурный рассказывал потом: смотрю, медведь направился к столу, где лежало полтуши коровьей на завтра, схватил эту тушу, взвалил её на плечо и побежал с ней прочь.

Дежурный по кухне звонит в штаб: был медведь, унёс тушу. Там дежурный выскочил навстречу зверю, стал стрелять из пистолета. Не в него — они ведь под охраной, а в воздух, чтобы испугать его. Медведь обделался, бросил тушу и сбежал. Нам её вдвоём потом пришлось тащить обратно в кухню.

Медведь оказался с повреждённой лапой, хромал, как потом заметили. Так-то они к нам не заходили. Но этот от боли уже ничего не боялся. И был он не один, с ним ещё ходили медведица и молодой медведь.

В другой раз он застал нашу гэтээску (военная машина на гусеницах) вдали от части, когда она заглохла. Он запрыгнул на гэтээску; вообще-то они боятся, как мотор шумит, а тут она заглохла, он и запрыгнул на крышу, а она из брезента, у медведя когти громадные, они сразу брезент рвут и проникают внутрь. Парни в гэтээске со страху чуть не обделались, сообщили по радиации в штаб,

оттуда выслали вертолёт, чтобы медведя вспугнуть, а то далеко добраться туда было. Медведь вертолёта испугался и убежал.

Сообщили егерю об опасном медведе, тот долго сообщался с Москвой. Наконец пришло разрешение отстрелить медведя.

Для этого взяли из нашей части сибиряка Хабибулина, он был профессиональный охотник, белке в глаз попадал. А мы с ним дружили, на стрельбе мы с ним стреляли вместе, он стрелял один раз по своей мишени, один раз по моей. И я так же. По своей он стрелял в десятку, а мне — так, восемь-девять. Я попадал где-то в пятёрочку. Но мне лучше, а ему всё равно. Он у нас на соревнования ездил, побеждал, но для соревнований был отдельный отбор, там он не промахивался. Потом узнали, что он охотник, запретили ему на соревнования ездить.

Так его выбрали стрелять в медведя. Я его попросил, он меня с собой взял. Мы два дня на вертолёте летали, медведя искали. Но зато жили мы в лётной части, а у них там такое питание хорошее! Наша-то солдатская еда нам уже надоела.

Вернулись мы в первый день с полёта, а Хабибулин и говорит: ох, как в этом вертолёте растрясло, так есть хочется! А ему говорят: ешь сколько хочешь!

А у них на завтрак сыр был и яичко. А в обед — рыба красная на нулевое, а ещё им шоколад давали, так у них столько его было, они плитки Хабибулину отдавали, он им свои охотничьи истории травил. Я уж ему говорю: промахнись в первый раз, чтобы нам подольше у них пожить. Но он не захотел свою репутацию терять.

Дали ему огромную трёхлинейку, такую ещё в Первую мировую использовали. На второй день нашли мы этого медведя, стали вокруг него кружить, выгонять на удобное место. Хабибулин им говорит, как к нему подлетать. Вот подлетели, спустились ниже. Медведь перестал убежать, поднялся на задние лапы, а он — большущий, передними лапами загребаёт в нашу сторону, словно хочет достать вертолёт, — защищается. Хабибулин ему прямо в морду попал, медведя аж отбросило на несколько метров от удара. Вертолёт сел, все вышли, пошли осторожно с оружием наготове к медведю, а Хабибулин даже не вышел, сидит, в окно смотрит, знает, что убил.

Медведя доставили к нам в часть, Хабибулин из него чучело сделал, он же этим занимался. Это чучело два месяца стояло в нашей части у ворот, все приходили на него смотреть. Потом его в Москву в музей увезли; на самолёте было слишком дорого, так его на пароходе отправили.